

ЖЕНЯ ГРАВИС

**ВИЗИОНЕР-2:
ТЬМА БЛИЗКО**

Ну, что за напасть! Как первое число – так снова мёртвая барышня. Душегуб пунктуален, педантичен и не разбрасывается уликами. Неужели он так и останется непойманным? Или за убийственным конвейером прячется тайная секта? Полиция сбивается с ног, главного сыщика преследуют «скелеты в шкафу», а его рыжая помощница, кажется, ни жива, ни мертва. Как тут искать преступника, а тем более любовь, когда себя-то найти не можешь?

Вторая и заключительная часть дилогии о приключениях Дмитрия Самарина и Сони Загорской. Ознакомительный фрагмент.

- [Визионер-2: Тьма близко](#)
 - [Глава 1, в которой время, никого не дождав, убежало вперёд](#)
-
-

Глава 1, в которой время, никого не дождав, убежало вперёд

Светло.

Почему так светло?

Соня открыла глаза. Картинка перед глазами слегка «плыла». Взгляду предстал очень белый потолок с солнечными квадратами. Слева обнаружилась ширма и кремовая стена за ней. Справа – окно с короткими молочными шторами. Они слегка покачивались на лёгком ветру. У окна дремала в кресле женщина, похожая на маму. Что она тут делает?

«А где я сама и что тут делаю? – подумала Соня. – Кажется, лежу в постели, но не дома. Обстановка незнакомая, матрас жёсткий, бельё слишком грубое». В нескольких метрах перед кроватью виднелась закрытая дверь. В изножье сидела на стуле девушка в белоснежном чепце и фартуке. Тоже спящая. Что за сонное царство посреди дня?

Есть тут хоть какой-нибудь цвет, кроме белого? Вот, кажется, у изголовья яркие пятна.

Соня повернула голову и обнаружила тумбочку, заставленную букетами и открытками. Тёмно-красные вызывающие люпины торчали длинными «свечками». Незабудки пышным облачком окутывали низкую вазу. Рядом вздымалась большая охапка белых пионов. Впрочем, нет, уже не белых. Они пожелтели и на кончиках лепестков стали неприятно коричневыми. Как тут оказались вянущие цветы? Этот вопрос почему-то показался Софье наиболее важным. Надо непременно выяснить, почему внимательная мама не заметила засыхающие растения. А потом уже разобраться, где находится она сама, и почему все спят.

– Мам...

Голос показался сиплым и чужим. Соня закашлялась, и сиделка на стуле тут же открыла глаза и распахнула рот в изумлении.

– Очнулась барышня! Господь милосердный, Анна Петровна, она очнулась!

Загорская-старшая (а это на самом деле была она) вскочила со своего кресла и в момент оказалась возле кровати.

– Сонечка, милая, наконец-то! Я так молилась! Боже, какое счастье, ты снова с нами!

Мама плакала, обнимала лежащую дочь, целовала её руки и лицо. Да что тут происходит? Почему все так удивлены? Отчего мама заливается слезами и зовёт Соню не полным именем, как всегда?

– Я позову доктора! – сиделка выбежала из палаты, хлопнув дверью.

– Сонечка, как ты себя чувствуешь?

Лицо у мамы было очень взволнованное и уставшее. Морщинка между бровей обострилась, глаза припухли.

– Нормально, – прошептала Соня, прислушавшись к себе и не найдя очевидных причин для беспокойства.

И хотела было спросить про пионы, но дверь снова распахнулась, и в палату стремительно вошёл доктор – невысокого роста, худой, с седой бородкой и бакенбардами. Он очень ловко подхватил стул медсестры и уселся по другую сторону от кровати. Серые глаза под седыми бровями внимательно уставились на девушку.

– Ну-с, Софья Николаевна, вы очнулись. Поздравляю.

– Георгий Павлович, чудо-то какое, – мама снова прижала к губам вялую Сонину руку, и на пальцы закапало что-то горячее.

– Толика чуда вашими молитвами, Анна Петровна. А по большей части наука физиология. Я вам говорил: организм молодой, здоровый, оправится.

– Я так признательна. Вы её исцелили.

– Ну, медицина в таких случаях довольно бесполезна. У барышень, знаете ли, тонкая нервическая настройка, вот и перетянуло где-то струну. Всего лишь нужно было время на восстановление. Надеюсь, всё вернулось в норму. Но проверить, разумеется, стоит. Вы позволите, Софья Николаевна?

Соня позволила. Пока лишь ясно, что она в больнице, и с ней что-то случилось. Понять бы, что именно.

Доктор между тем достал железную лопаточку, заставил открыть рот и сказать «а-а», посветил фонариком в глаза, потрогал лоб, приложил сухие ловкие пальцы к запястью, удовлетворённо покачал головой. Потом вытащил из кармана стетоскоп.

Соня чувствовала себя куклой, которую бесцеремонно рассматривают и ощупывают со всех сторон. И молча потянула тонкое одеяло вниз. Под ним обнаружилась домашняя ночная рубашка – с кружевным воротом на завязках и вышитыми васильками. От этой внезапной

родной находки почему-то стало тепло в груди, а в глазах защипало. Кажется, мамин плач заразителен.

Доктор послушал сердце и лёгкие и одобрительно кивнул:

– Что ж, на первый взгляд, телесных расстройств я не наблюдаю. Показатели укладываются в норму. Ничего не болит, не тянет, не беспокоит?

– Нет, – ответила Соня уже без всякой сиплости. Кажется, голос начинает возвращаться.

– Отлично. Давайте проверим ментальное самочувствие. Помните, как вас зовут?

– Софья Николаевна Загорская.

– А вашего отца?

– Николай Сергеевич. Он преподаёт и работает на бирже.

– Прекрасно, прекрасно. Где вы живёте?

– В Москве. Чудовской переулок, дом три.

– Кто нынче московский градоначальник?

– Николай Вадимович Русланов.

– Какой сейчас год?

– Тысяча девятьсот двадцатый.

– А число?

– Двадцать шестое мая.

Мама встревоженно взглянула на доктора. Тот успокаивающе улыбнулся Анне Петровне и снова повернулся к Соне.

– Ну, разумеется, вопрос был с подвохом. Вы ведь спали и не могли следить за временем. Что вы помните о том дне?

Что значит «о том»? Почему не об «этом»? Не о «вчерашнем» хотя бы? Сколько прошло времени? Вопросы стремительно и хаотично проносились в голове, но Соня мысленно их отодвинула и сосредоточилась на фактах:

– Мы с однокурсниками и преподавателем собрались пойти в галерею Третьяковых. Место встречи было у Храма Жизуса Чудотворца. Я помню, что одевалась, чтобы поехать туда и... всё.

Соня вдруг осознала, что совершенно не представляет, что произошло дальше. Встретились они или нет? Дошли до музея? Вместо воспоминаний в памяти чернел пустой провал. Никаких, даже смутных подробностей «того дня».

– Частичная амнезия, – резюмировал доктор. – Не редкость в таких случаях. У вас было сильное нервическое потрясение. Ох, уж эти экзамены... Неудивительно, что на солнце вы упали в обморок. Шляпки и зонтика при вас не было. Ай-яй-яй, как неосмотрительно. Результат налицо: помрачение сознания, сотрясение головы, потеря памяти.

– Боже мой, Георгий Павлович, это опасно? – Анна Петровна снова начала волноваться. – Вдруг она не только тот день забыла?

– Это мы выясним лишь после наблюдений и исследований. Но, на первый взгляд, амнезия затронула лишь кратковременный период – в частности, сам несчастный случай и предшествующие ему часы. Мозг просто попытался забыть неприятный инцидент. Такое случается. Не волнуйтесь, память восстановится. Не сразу, но со временем.

– Так какое сегодня число? – решила уточнить Соня.

– Третье июня, барышня. Вы пробыли в глубоком сне целую неделю.

Неделю! Ответ ошеломил. Так вот почему завяли пионы, а руки показались Софье очень бледными и худыми. Как можно было пойти гулять на солнце без зонтика? Соня усиленно

пыталась вспомнить, взяла ли она его с собой, но даже не смогла воссоздать в голове цвет платья, которое тогда надела. Ужасное ощущение.

– И что теперь, доктор? Какие нужны лекарства? Мы достанем всё, что надо, – продолжала мама.

– Не думаю, что нужны особые медикаменты. Отдых, витамины и хорошее питание – вот лучшие целители в подобных случаях.

– На аппетит она никогда не жаловалась. Сонечка, ты голодна? Хочешь есть? – Анна Петровна озабоченно заглянула дочери в глаза.

– Пожалуй, я бы съела что-нибудь, – подумав, согласилась девушка. Голод чувствовался не особо, но прямой отказ рисковал вызвать очередной поток маминых слёз. Нет уж, хватит.

– Слава Богу! Это же хороший признак, доктор?

– Замечательный. Уверен, Софья Николаевна быстро пойдёт на поправку. Разумеется, мы оставим её в больнице на несколько дней, последим за восстановлением. Но, думаю, долго она тут не задержится.

– А что дальше? Нужен особый режим?

– Меньше нервничать и волноваться, больше отдыхать и бывать на свежем воздухе, на природе. В тени! – врач укоризненно вытянул вверх указательный палец.

– У моей подруги есть усадьба в Подмоскowie, мы могли бы поехать туда.

– Вот и превосходно. Отдых за городом – то, что нужно. Анна Петровна, поверьте, случай вашей дочери далеко не единичный. Каждую весну наблюдаю одно и то же. Барышни во время экзаменов излишне тревожатся, изнуряют себя бессонницей, просиживая над учебниками, забывают о своевременном приёме пищи. Как результат – такие нервные припадки.

- Какая у нас безжалостная система образования.

- Всецело с вами согласен. Я убеждён, что ни к чему так нагружать девиц ненужными знаниями. Им к замужеству надо готовиться, к счастливой семейной жизни.

- Ох, Георгий Павлович, как же вы правы. Мир так изменился, в наше время он был гораздо устойчивее и безмятежнее.

- А теперь что ни сезон – так новые модные увлечения у молодёжи. И не все из них, увы, безобидного свойства. Вы, наверное, слышали о так называемых «невестах»? С тех пор, как они появились, неврологическое отделение работает круглые сутки...

Мама и доктор продолжали болтать о своём, почти позабыв о «больной». Соня прикрыла глаза. *«Нервический припадок. Глупость какая, - размышляла она. – Я ведь сдала все экзамены. И не зубрила учебники ночи напролёт. Что-то здесь не так. Но от этих двоих, видимо, откровенного ответа не добиться».*

Следующие несколько дней одноместная больничная палата напоминала Гостиный двор в праздничные дни. Почти каждого из пришедших Соня пыталась выпросить о подробностях несчастного случая. К сожалению, нужных сведений среди вороха поздравлений и причитаний кот наплакал.

Приходил деловитый папа со стопкой свежих газет, что было очень кстати. К сожалению, про Сонин обморок заметки не нашлось. Зато много писали о «невестах». Градоначальник, наконец, обратил на них внимание и призвал органы правопорядка разобраться с «новой ересью».

Через пару дней папа по Сониной просьбе принёс книгу некоего английского доктора Кобба об исследованиях мозга. От Георгия Павловича-то никаких внятных объяснений не

дождёшься. К сожалению, Кобб тоже не сильно помог в постижении механизмов работы памяти. Суть толстого трактата можно было уместить в одну строку, с которой он и начинался: *«Путь к пониманию того, как работает наш разум, извилист и неизъясним»*.

Но по крайней мере одна интересная мысль у англичанина нашлась. Кобб полагал, что преодолеть ретроградную амнезию можно, повторно погрузившись в ситуацию, предшествовавшую травме. Не в точности повторяющую её, но похожую. Тогда есть шанс сознательно испытать то, что французы называют *déjà vu*.

Это что же получается – надо снова выйти на солнце без зонтика и упасть в обморок? Бред какой-то. Эта версия по-прежнему казалась Соне странной. Никогда в жизни не теряла сознания – и вот на тебе. Может, всё-таки произошло что-то другое? Но как же тогда погрузиться в те же условия, если не помнишь, что случилось?

Задача пока оставалась без решения, и это сильно злило.

Серьёзный брат Лёлик принёс карандашный рисунок со спящей сестрой и надписью: *«Я рад што ты выспалась Соня»*. *«Отличный каламбур»*, – рассмеялась Софья. Ну, надо же, у этого молчуна, оказывается, есть чувство юмора.

Был серьёзный Башмаков с пунцовыми розами и Ирецкий с колодой карт. Сыграли несколько партий в пикет и рамс. Весёлые шуточки Владислава и необходимость считать очки и держать в голове карточные комбинации на время отвлекли от ноющей мысли о потерянном времени и ушедших воспоминаниях. Ирецкий даже позавидовал тому, что из Сониной головы выветрились некоторые эпизоды: *«Эх, хотел бы я забыть, как, будучи нетрезв, сделал татуировку со львом, но его перекошенная морда на правой голени мне каждый раз об этом напоминает. Показать?»*. От разглядывания Владиславовых ног Соня вежливо отказалась, но всё равно была благодарна хотя бы за поднявшееся настроение.

Самым ценным источником информации оказалась Полина, которая влетела в палату в один из дней, звонко чмокнула «больную» в щёку и уселась на кровать.

– Прости, что не пришла раньше, была за городом. Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Лина, ну, хоть ты мне скажи, что случилось в тот день?

– Как что? Мы были в музее, а потом ты просто исчезла. То есть, задержалась в одном зале, сказала, что догонишь позже. Мы ходим-ходим, а тебя нет. Я всю галерею переполошила, искали тебя, но так и не нашли. Потом я к тебе домой приехала, и там уже узнала, что ты в больнице.

– Так мы всё-таки были в Третьяковке?

– Ты разве не помнишь? – вытаращила глаза подруга.

– Нет. Доктор сказал, что у меня частичная амнезия. Я лишь помню, что собиралась в музей и всё.

– Ужас какой. Это очень странно. Мы были там вместе, а потом ты пропала.

– Сама не понимаю, что произошло. А почему я задержалась? Может, кого-то встретила?

– Не было в зале никого. Ты там одна осталась. Наверное, хотела рассмотреть какую-то картину.

– Слушай, а при мне был зонтик?

– Конечно, был! Ты ещё меня пыталась под него спрятать. Мы шли по мосту, было очень тепло, и ты переживала, что я обгорю на солнце. Помнишь?

– Ничего не помню.

– Хорошая моя, мне так жаль. Но ты не переживай. Я читала, что память быстро

восстанавливается, если ты ещё в юном возрасте. Просто тебе надо выбраться отсюда быстрее, – Полина мрачно обвела взглядом казённую обстановку. – Уныние какое. Ты на фоне этих стен совершенно блёклая.

– А ты очень хорошо выглядишь. Совсем как южанка. И немного похожа на... енота, – пошутила Соня.

Руки и лицо подруги покрывал бронзовый загар, но вокруг глаз остались белые круги.

– На енота? А, ты про это! Ты же всё проспала! Я теперь авиатриса, обучаюсь в лётном клубе. А загар неровный от защитных очков. Знаешь, какой там ветер на высоте? Глаза выдувает.

– Никогда не летала, – призналась Соня.

– Значит так... Выздоровливай быстрее, и я тебя прокачу. Пролечу. Это от «летать» и «лечить» одновременно. Ух, тебе понравится!

Визит Полины, при всей его полезности, оставил больше вопросов, чем ответов. Что произошло в музее? Как Софья оттуда вышла? Куда делся зонтик?

Воображаемый попугай деловито чистил перья и отвлекаться на бестолковые разговоры не желал.

Потом были бесконечные визиты медсестёр, какие-то уколы и таблетки, процедуры, долгие беседы с доктором, не очень вкусная больничная еда по расписанию и короткие прогулки по коридорам. Вставать ей пока разрешали ненадолго, и девушка начала маяться от скуки. Газеты давно были изучены вдоль и поперёк, и Соня в короткий период уединения размышляла, что бы ещё почитать. Выбор был невелик. Жалостливый роман Лидии Чарской, принесённый мамой, или подаренный княгиней Фальц-Фейн сборник её стихов. Оба хуже.

Соня была уже почти готова погрузиться в сентиментальную прозу, когда в приоткрывшейся двери снова возникла сиделка.

– К вам посетитель, Софья Николаевна. Молодой человек по фамилии Самарин. Пригласить?

Митя?

– Подождите! – Соня лихорадочно заметалась глазами вокруг себя. Книги, газеты, открытки, проклятые цветы... Где же... – Зеркало! Будьте добры, зеркало.

Сиделка прикрыла дверь изнутри, подошла к Сониной кровати и достала из кармана складное зеркальце с летящей ласточкой на жестяной крышке. За последние несколько дней особого желания разглядывать себя не было, даже во время водных процедур. По запястьям, лодыжкам и свободно висящей одежде Софья понимала, что похудела. Зеркало лишь подтвердило очевидный факт. Глаза запавшие, кожа прозрачная, скулы обострились. Бледная немочь. Настоящая дворянка. В иной ситуации мама была бы довольна.

– Вы прекрасно выглядите, – «успокоила» медсестра и участливо поправила выбившийся из причёски пациентки локон.

Соня лишь вздохнула.

– Жених? – понимающе шепнула сиделка.

– Друг, – ответила Софья и с некоторым удивлением обнаружила, что её бескровное отражение вдруг обзавелось румянцем.

Соня вернула зеркало, натянула одеяло до подбородка и кивнула:

– Я готова. Пригласите, пожалуйста.